

На следующий день в группе намечалось какое-то мероприятие, так что пришлось отпроситься у старого мастера. Стоило мне под вечер, сразу после всех дел, переступить порог студии, как взгляд выхватил Фэн Мэй и маленькую призрачную девчушку Гэ Сяокуй — они стояли плечом к плечу и завороченно разглядывали одну из картин.

Чуть поодаль сам старик о чем-то негромко беседовал с Дэн Гопином. Я подошел ближе, заглянул через их плечи и чуть не охнул: черт возьми, да они же обсуждали мой вчерашний набросок!

— О, третий пришел, — Дэн Гопин любил звать меня «третьим», а вот ко Второму соученику обращался исключительно по имени. Сразу видно: отношения у них с Юй Цзэ прохладные.

Чтобы никому не было обидно, я звал их Старшим и Вторым соучениками. Разумеется, об этой забавной отсылке знали только мы с Дэн Гопином.

Старику, конечно, подобные шутки и в голову бы не пришли. А что до Юй Цзэ — этот вечный ледышка ходил с таким лицом, что поди разбери, догадывается он вообще о нашей подковырке или нет.

Заметив мое приближение, старый мастер просветлел и подозвал меня к себе, чтобы разобрать работу. Вердикт оказался обнадеживающим: рука стала чуть увереннее, а значит, пора завязывать с этой темой и переходить к копированию другой живописной школы.

Слава тебе господи! Полмесяца ушло на одну и ту же картину — помучайся я с ней еще хоть день, точно сошел бы с ума.

На этот раз старик подобрал для меня два полотна испанских мастеров, велел в первую очередь прочувствовать их сочную, южную колористику. Пейзаж Дэн Гопина был уже закончен, и теперь они на пару со старым мастером писали портрет натурщика-метиса.

К тому моменту я уже уловил то тонкое, едва осязаемое состояние, необходимое для творчества, а потому без лишних раздумий погрузился в него и принялся за работу.

Юй Цзэ сегодня не появлялся. И отлично — я как раз планировал дожидаться сумерек, когда все разойдется, чтобы набросать портрет маленькой Гэ Сяокуй.

Изначально я хотел поработать над картиной дома, но девчушка ни в какую не соглашалась. Уж не знаю, какая блажь ей в голову взбрела, но она упрямо твердила, что в художественной студии атмосфера куда правильнее.

Самое поразительное, что Фэн Мэй целиком и полностью поддержала этот детский каприз. Я только руками развел — ну что за спевшийся дуэт? К счастью, старик с Гопином писали одного и того же натурщика, а тот освобождался ровно в шесть вечера. Так что после шести

мастерская оказывалась в моем полном распоряжении.

Я достал свежий, туго натянутый на подрамник холст, перетащил его в самый тихий, неприметный угол и поманил к себе обеих призрачных гостей.

— Сестра Мэй, вы когда-нибудь море видели? — спросил я.

Чтобы картина получилась живой, Гэ Сяокуй нужно было погрузить в правильную атмосферу, да и мне требовалась натура. Писать чистую фантазию из головы я пока не умел, так что вся надежда была на помощь Фэн Мэй.

Та долго упрасивать себя не заставила: легкий взмах руки, и вокруг зашумел иллюзорный прибой, раскинулось бескрайнее синее море, омывающее песчаный берег. Малышка с радостным писком рванулась вперед, но, попытавшись зачерпнуть воду ладошками, тут же наткнулась на пустоту. На секунду ее личико помрачнело, но детская жизнерадостность быстро взяла верх, и она снова заулыбалась.

— Братец, а как мне лучше встать? Какая поза красивее?

Мне-то было всё равно, но, видя, с каким трепетом она относится к делу, я постарался подойти к задаче со всей серьезностью.

— Знаешь что, порезвись пока у воды, а я посижу, поймаю вдохновение.

Девчушка с готовностью закивала и с головой ушла в созданный морок.

Глядя на нее, я невольно улыбался. Чудесный, забавный ребенок. Она очень напоминала мне мою младшую сестренку, Чжоу Сяосяо. Та сейчас как раз пошла в начальную школу, каждое утро убегала на уроки вприпрыжку, а по субботам мама послушно везла ее на занятия по фортепиано.

Пределом мечтаний для сестренки были леденцы и шоколад, но у нас дома на сладости наложили строжайшее вето — баловали егозу от силы раз в неделю.

Из обрывочных рассказов Сяокуй выходило, что она почти всю свою короткую жизнь провела на больничной койке. Чем именно она болела, девочка не распространялась, а мне не хватало духу расспрашивать.

И все же ее поразительному жизнелюбию — пускай даже после смерти — могли бы позавидовать многие взрослые.

Вот она с любопытством тянется к перламутровой ракушке, но прозрачные пальцы проходят

сквозь песок. Сяокуй разочарованно морщит носик, вздыхает и тут же переключается на что-то другое. Глядя на эту картину, я почувствовал, как к горлу подступает горький комок.

— Нет, всё не то, — не выдержал я. — Сестра Мэй, может, свозишь ее к настоящему морю? Оно ведь тут не так далеко. Для тебя, как для табачного призрака, это дело нескольких минут.

На лице Фэн Мэй отразилось явное колебание, но, немного поразмыслив, она все же покачала головой.

Сяокуй резвилась до поздней ночи. На обратном пути она без умолку щебетала о том, как здорово провела время у вымышленного прибора.

Я понимал: в глубине души малышка все равно чувствовала фальшь, но помалкивала, не желая расстраивать нас после всего, что мы для нее устроили.

Надо было что-то предпринять.

Пусть я не могу отвезти ее к настоящему побережью, но подарить ей подлинное ощущение океана мне под силу.

На следующий день я разослал веерное сообщение всем контактам в своем телефоне с одним-единственным вопросом: «Как почувствовать море, не выезжая из Шэньяна?»

Дэн Гопин ответил первым: написал, что на днях собирается по делам в Далянь, где планируют открыть филиал академии, и пообещал взять меня с собой за компанию, чтобы я наконец поглядел на волны. Старый мастер подошел к делу современно — прислал MMS-сообщение с буклетом туристической фирмы и припиской: «Трудись над холстами прилежно, и в следующий творческий выезд я возьму тебя с собой на этюды».

Два оболтуса из моей общажной комнаты, как обычно, опошлили идею. Заявили, что устраивать подобные свидания — непозволительное расточительство, и посоветовали просто сводить девчонку в кино.

Мне аж захотелось набрать их номера и спросить, с каких это пор они стали такими проницательными, что сразу раскусили мою затею порадовать маленькую девочку.

Отец же просто позвонил и сурово спросил, не ради ли праздного шатания я филоню и не еду домой. Признаться в таком было смерти подобно, так что я выложил ему всё как есть про несчастного призрака. Батя выслушал, хмыкнул и обронил на прощание:

— Как приедешь, я познакомлю тебя с дочерьми моих хороших знакомых. Пора бы тебе уже среди живых невест искать.

Пожалуй, самым дельным оказался совет от Чэн Годуна. Он прислал сообщение о том, что на окраине города открылся роскошный океанариум — место действительно стоящее, и мне непременно стоит туда заглянуть.

«Вот это уже ближе к делу!» — подумал я. Поблагодарив Годуна ответной эсэмэской, я побежал в ближайший интернет-клуб, чтобы разузнать все подробности об этом заведении.

Оказалось, океанариум входит в состав огромного развлекательного комплекса под пафосным названием «Королевский полярный океанариум». Настоящий оазис развлечений: аттракционы, рестораны, зоны отдыха — всё в одном флаконе.

Вариант выглядел идеально. Наша маленькая призрачная провинциалка точно останется в полном восторге. Огорчала только цена билетов — один пропуск туда стоил столько, сколько я тратил на мясо за целый месяц.

Дорого, конечно, но Сяокуй было искренне жаль. Зажмурившись, я мысленно махнул рукой: «Была не была! Гуляем на все деньги».

На поездку я выделил круглую сумму в тысячу юаней — мои карманные расходы за два месяца. Сердце обливалось кровью при мысли о таких тратах, но я запретил себе жадничать.

Первым делом я раздобыл для маленькой гостьи летний наряд и сжег его, отправив в мир духов: легкое платьице, изящные шлепанцы и широкополую соломенную шляпку от солнца.

Облачившись в обновки, Сяокуй сияла от счастья и кружилась вокруг меня, словно пестрая бабочка.

— Братец, в таком ведь ходят гулять, правда? Мне так нравится! Спасибо тебе огромное!

Видя ее восторг, я и сам невольно расплылся в улыбке. Достав рекламный буклет, я торжественно объявил:

— Раз уж до настоящего побережья мы добраться не можем, поедem в Королевский полярный океанариум. Будем покорять глубины!

— Ой, ты правда повезешь меня?! — Гэ Сяокуй запрыгала и захлопала в ладоши, не помня себя от радости.

Выждав хмурый, облачный денек, я собрал всю нашу разношерстную компанию — Сяокуй, Фэн Мэй, Хуэй Сяобао, Бай Яньцю и Лю Чжэньюань. С самого утра мы погрузились в пригородный автобус и покатали в сторону океанариума.

Народу там, несмотря на недавнее открытие, оказалось прорва. Вокруг суетились шумные семейства с детьми всех возрастов, и на их фоне я со своим гордым одиночеством смотрелся как какой-то экзотический экспонат.

Ну да ладно, главное — я-то знал, что пришел не один. Мы обошли почти все павильоны, стараясь угодить вкусам каждого из моих невидимых спутников.

Фэн Мэй и Бай Яньцю вели себя сдержанно, лишь изредка проявляя любопытство к диковинным рыбам, а вот Сяобао, Лю Чжэньюань и маленькая Сяокуй резвились вовсю, начисто позабыв о приличиях.

К вечеру я еле волочил ноги от усталости, тогда как эта троица так и фонтанировала неумной энергией.

Около шести вечера залы начали постепенно пустеть, а зрители принялись запирать двери. Я сделал вид, что направляюсь к выходу, но улучил момент, ускользнул от бдительных глаз охраны и спрятался в одном из закрывающихся павильонов.

Сяокуй безумно хотелось устроить настоящее подводное приключение. Днем, при скоплении зевак, об этом нечего было и думать, так что пришлось поиграть в шпионов. Зато теперь, когда здание погрузилось в полумрак и тишину, Лю Чжэньюань увлекла девочку прямо сквозь толстые стекла аквариумов. Они скользили среди мерцающих глубин, кружась в танце с причудливыми морскими обитателями.

К слову, только тогда я узнал, что Лю Чжэньюань — своего рода полукровка. Ее мать принадлежала к водному змеиному племени и несла в себе каплю крови благородных наводняющих драконов.

Словом, прогулка удалась на славу. Все остались довольны, а у меня в голове наконец созрел цельный, яркий образ для будущего портрета. Руки чесались поскорее взяться за кисть.

Переночевав кое-как в укромном уголке, наутро я затесался в толпу первых посетителей, прокатился на паре аттракционов, до которых не дошли руки вчера, и только ближе к вечеру вернулся на автобусе в город.

Из салона автобуса я пулей полетел прямиком в студию. Выудил самый большой холст и принялся набрасывать первые контуры.

Повезло, что Юй Цзэ в эти дни не появлялся. Не то чтобы я его боялся, просто вся затея с призраками в учебном классе выглядела, мягко говоря, сомнительно. Случись открытый конфликт — я бы за себя постоял, но мы ведь учимся у одного мастера. Зачем лишний раз обострять отношения?

Пользуясь его отсутствием, я быстро закончил эскиз, поймал то самое удивительное творческое вдохновение и двое суток безвылазно трудился над картиной.

Для меня это был первый опыт работы с таким внушительным форматом — раньше я писал вещицы от силы в полметра шириной.

С холста на мир смотрела сияющая девочка. Она сидела у самой кромки прибоя и раскинула руки навстречу пенным волнам, словно пыталась обнять весь океан. Рядом с ней по мокрому песку деловито удрапывал крошечный краб.

На соломенной шляпке пламенели два крупных цветка подсолнуха — яркие, солнечные, дышащие теплом.

Улыбка малышки была такой искренней, будто в ее недолгой жизни никогда не существовало болезней и тоски.

За ее спиной катило свои безмятежные воды бескрайнее синее море, лаская берег тихим шепотом волн.

Эту картину я назвал «Подсолнухи у моря».

Раньше мне казалось, что Сяокуй похожа на нежный бутон дикой розы, но я ошибался. Она была настоящим, тянущимся к свету подсолнухом.

Как только лак подсох, я, точно воришка, бережно укутал холст в плотную ткань и под покровом темноты переправил его в домашнюю мастерскую.

Сяокуй так и вилась вокруг подрамника, не в силах сдержать ликования.

— Братец, неужели это правда я? Какая же я у тебя получилась красивая!

— Конечно, красивая. Ты и в жизни чудесная девчушка, — улыбнулся я.

На вид ей было лет двенадцать-тринадцать. Будь она жива, сейчас, наверное, всю бегала бы в среднюю школу.

Вдоволь напрыгавшись, Сяокуй вдруг притихла, опустилась на стул в углу и надула губки, погрузившись в какие-то невероятно сложные размышления.

Я с удивлением уставился на нее, не понимая причин столь внезапной перемены настроения.

Когда я спросил, в чем дело, девчушка со вздохом призналась: она ума не приложит, как намекнуть родителям, чтобы они выкупили этот портрет себе.

Я не вовремя поперхнулся чаем и тихо рассмеялся — до чего же непосредственный ребенок!

Даже Хуэй Сяобао не удержался от улыбки. Подбоченясь, он снисходительно заметил:

— Глупая ты голова. Разве не знаешь, что духи могут приходить к живым во снах? Хочешь о чем-то попросить — отправь им весточку через сновидение.

Сяокуй округлила глаза и с надеждой уставилась на пушистого шамана:

— Братец Сяобао, а ты умеешь использовать технику посылая снов?

Тот горделиво выпятил грудь и похлопал себя лапой по боку:

— Тоже мне задача! Забыла, с кем имеешь дело? Для нашего брата это сущий пустяк.

Мне безумно хотелось осадить этого хвастуна и объяснить глупышке, что затея с Сяобао — чистой воды авантюра. Настоящая техника посылая снов требует строгого согласования и регистрации в Преисподней, а наш мелкий проныра там отродясь не бывал. Куда ему до таких таинств!

В конце концов вмешалась вернувшаяся Фэн Мэй. Она увела притихшую Сяокуй с собой, и обе призрачные дамы вернулись в дом лишь под утро.

Судя по сияющему лицу девочки, ночная вылазка увенчалась полным успехом.

В течение следующих двух дней я написал для нее еще один портрет, совсем крошечный — такой, чтобы поместился в медальон на тонкой цепочке. Малышка пришла в неописуемый восторг и устроила вокруг меня форменный победный танец.

<http://bllate.org/book/20253/2208567>